

Рр Ш6(2-4)
Ф-83

И. ФРАНКО.

Лѣса и пастбища.

Изданіе Н. Е. Парамснова

МОСКВА

№ 76²

Годъ

Цѣна 2 в.

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

Шифр РШБ(2-4к) 983 Инв. № 107682

Автор Франко И.

Назва Леса и настбица!

(Рассказ богинею утешномоген-
ного).

Місце, рік видання Ростов на Дону, [1906].

Кіл-ть стор. 16с.

-||- окр. листів _____

-||- ілюстрацій _____

-||- карт _____

-||- схем _____

Том _____ частина _____ вип. _____

Конволют _____

Примітка: 2.07.2004,
Моль -

И. ФРАНКО.

Лѣса и пастбища.

(Разсказъ бывшего уполномоченнаго).

Изд. Н. Парамонсва
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Типографія «Донская Рѣчь» Ростовъ на Дону. 1906.

Лѣса и пастбища.

Разсказъ бывшаго уполномоченнаго).

Господи Боже, сколько шума было у насъ изъ-за этихъ лѣсовъ и пастбищъ! Ужъ какъ егозили помѣщики, какъ совѣтовались, подкупали инженеровъ да адвокатовъ, чтобы освободиться отъ всякой тяготы! Хитрыя головы! Они знали, что хотя цезарь ¹⁾ и далъ мужикамъ волю и отмѣнилъ барщину, а все же если они, помѣщики, не дадутъ мужикамъ лѣса и пастбищъ, такъ придется мужику или—пропадать на пнѣ, или къ нимъ „прійдите, поклонимся“, а тогда... возвратится опять барщина, хотя и въ другой одеждѣ, да для мужика она отъ этого легче не будетъ!

И что же вы думаете,—не возвратилась къ намъ барщина? Подите-ка, посмотрите на нашу деревню, такъ сами убѣдитесь. Правда, атаманы да экономы ²⁾ не ѣздятъ уже подъ окнами съ арапниками, на помѣщичьемъ дворѣ нѣтъ уже дубоваго бревна, на которомъ, бывало, каждую субботу производилась „оптовая порка“, но поглядите вы только на людей да поговорите съ ними! Сами они черные, какъ

1) Императоръ.

2) Старосты и приказчики.

земля, избы ободраныя, старыя, накренились на бокъ. Заборовъ, почитай, п вовсе пѣтъ, хотя лѣсъ вокругъ деревни что твоо море: приходится людямъ окапывать усадьбы рвами да обсаживать ивами, какъ на Подольи. Скотъ жалкій, захудалый, да и то у рѣдкаго хозяина онъ есть. А спросите идущихъ съ косами или серпами: куда, молъ, идете, люди? Такъ навѣрняка отвѣтятъ: „На господское поле рожать“, или „Господскій сѣнокосъ косить“ А если вы удивитесь, какъ это такъ, что они идутъ теперь къ помѣщику работать, когда у самихъ еще п не начато, а тутъ жара, зерно осыпается,—такъ они развѣ только головами покачаютъ и скажутъ грустно: „Что же дѣлать? мы сами видимъ, и сердце болитъ, да что подѣлаешь? Мы задолжали помѣщику, а у него ужъ такъ заведено, что прежде ему отработай, хоть бы тутъ громовыя ядра летѣли, а потомъ ужъ себѣ“. Это у насъ такъ каждый годъ: помѣщику сдѣлаемъ все въ свое время и хорошо, и чисто, а наше собственное, въ это самое время, гибнетъ и пропадаетъ на полѣ. И какъ это ловко обдѣлалъ нашъ помѣщикъ! У него лѣсъ—у насъ и щепки на дворѣ нѣтъ безъ его вѣдома! У него пастбище—у насъ весь скотъ изморомъ пошелъ, перевелся, а что осталось, то бродить, какъ сонное. У него пахоть исправная, чистая, а наша заросла пыреемъ, горчицей да быльемъ всякимъ,—навозцу нѣтъ, чтобы подправить, скотинки тяглою нѣтъ! А еще и то: что на такомъ полѣ уродится, тоже на корнѣ пропадаетъ, потому что надо прежде всего помѣщика оправить, пока погода держитъ. И никогда мы этакъ не можемъ хлѣба припасти вдоволь, не можемъ стать на свои ноги, не можемъ вывернуться изъ-подъ помѣщичьей руки. А помѣщикъ, знай, жметъ, ухъ, жметъ изо всѣхъ силъ! Онъ у насъ теперь общиннымъ начальникомъ, а одинъ изъ его прислужниковъ—писаремъ, и весь общинный совѣтъ долженъ покоряться ихъ волѣ. Бѣдняка онъ не пуститъ изъ деревни на заработки или на службу, книжки не выдастъ: „Сиди, молъ, дома, нечего шлаться, работай у себя!“ А у себя то, конечно, нечего работать,—ступай къ помѣщику! А

помѣщикъ бухъ тебѣ десять крейцеровъ ¹⁾ въ день, въ самую страдную пору... и долженъ работать, потому некуда дѣваться! Вотъ такъ-то онъ насъ прижалъ, и, чѣмъ дальше, все больше прижимаетъ! Сами скажите, какой же тутъ еще барщины недостаетъ? Мнѣ кажется, прежняя барщина, съ розгами да съ экономами, едва ли была тяжелѣе.

А теперь послушайте, какъ онъ насъ такъ ловко обегорилъ, чтобы выпроводить въ поле и прибрать насъ къ своимъ рукамъ. Я самъ былъ при этомъ, такъ могу вамъ все толкомъ рассказать и за каждое слово готовъ хотя къ присягѣ. Вотъ послушайте!

Началась наша бѣда съ переписи, знаете, вотъ что была въ 1859 году. До того времени мы жили съ помѣщикомъ въ добромъ согласіи. Онъ боялся насъ трогать, потому что тогда еще была острастка помѣщикамъ послѣ той, знаете, мазурской, рѣзни²⁾. А намъ тоже незачѣмъ было его трогать: пастбище было, въ лѣсу мы рубили такъ, какъ и наши отцы, и все считали, что это лѣсъ общественный— даже обществомъ лѣсника содержали. Какъ, вдругъ, бацъ перепись! Знаете, народъ темный, не понимаетъ, что къ чему, испугался. Вотъ какъ теперь нашъ мужикъ все опасается, какъ бы податей не прибавили, такъ и тогда: говорятъ, будутъ переписывать не только людей, а и скотъ; ну, значитъ, это ужъ не къ добру!

Вотъ разъ въ воскресенье, послѣ службы, какъ это водится у насъ, выходятъ люди изъ церкви, собираются на берегу на совѣтъ. Тамъ и войтъ всегда читаетъ приказы, какіе случатся, иные люди такъ про хозяйство калякаютъ... Вдругъ, видимъ, помѣщикъ... „Такъ и такъ,—говорить,—господа общество, важное дѣло, перепись народная. Я вашъ радѣтель, я теперь такой же мужикъ, какъ и вы. Сами знаете, цезарь сравнялъ насъ всѣхъ, теперь ужъ

¹⁾ Крейцеръ— $\frac{3}{4}$ копейки.

²⁾ Въ 1848 году былъ голодный бунтъ среди польскихъ крестьянъ (мазуровъ) въ западной Галиціи, со многими кровавыми расправами надъ помѣщиками.

нѣтъ господъ“ Шу, словомъ сказать, началъ намъ бобы разводить. Мы и рты разинули, что это, молъ, заговорилъ съ нами помѣщикъ почеловѣчески!—„Такъ и такъ“, — говоритъ онъ дальше, — „важное дѣло народная перепись. Кому угодно, пожалуйста ко мнѣ, я вамъ что-то важное скажу, какъ вамъ себя держать во время этой переписи“. Да и двинулъ самъ впередъ къ своей усадьбѣ. А мы всѣ, сколько было, толпой повалили за нимъ. Пришли на дворъ. Онъ взошелъ на крыльцо, осмотрѣлъ народъ, потомъ вызвалъ нѣсколькихъ стариковъ къ себѣ и пошелъ съ ними въ горницу. Стоимъ мы, ждемъ. Приходятъ наши старики.—«Ну-ка, ну-ка, выкладывайте, что говорилъ помѣщикъ, какое дѣло?» А старики наши сѣдыми головами покачиваютъ да все бормочутъ: «Такъ то такъ! оно, вишь, и правда!»... а потомъ къ намъ: «Пойдемъ въ деревню, нечего тутъ галдѣть на господскомъ дворѣ. Нешто вамъ тутъ мѣсто для совѣта?... Пошли мы.

— Знаете, люди добрые, господа общество,—заговорили наши старики, когда мы опять собрались на общественномъ берегу,—завтра прїѣдетъ къ намъ перепись. Такъ вотъ помѣщикъ, дай Богъ ему здоровья, велѣлъ намъ предостеречь общество. Обратите, говоритъ, вниманіе на скоть! Они переписуютъ скоть, а потомъ наложатъ на васъ по гульдену подати отъ каждой штуки. А если скажете, что пасете въ лѣсу, такъ еще и отъ лѣса будете платить двойную подать: разъ за лѣсъ, а еще, кромѣ того, за выпасъ. Такъ вотъ, баринъ совѣтуетъ сдѣлать такъ: прежде всего, не говорить, что мы пасемъ въ лѣсу, а, кромѣ того, припрятать часть скота въ лѣсу завтрашній день да при переписи объявлять меньше скота, чѣмъ у насъ есть. Такъ, говоритъ, и въ другихъ деревняхъ дѣлаютъ. А лѣсъ, говоритъ, какъ былъ вашъ, такъ и будетъ, потому что перепись земли не касается».

Посовѣтовались мы, подумали, да и рѣшили послушаться помѣщика. Дурачье, какъ есть! У кого было пять головъ скота,—онъ три въ лѣсъ, а двѣ оставляетъ напо-

назь; у кого десять,—онъ семь въ лѣсъ, а три оставляетъ. Цѣлое стадо скота со всей деревни согнали въ лѣсъ, въ самыя дебри да заросли, и ждемъ себѣ спокойно переписи. И такъ ужъ тяжело даются намъ эти подати, а тутъ еще помѣщикъ такъ напугалъ насъ новыми, будто-бы, прибавками, что мы и не задумались просто обмануть перепись, лишь бы какъ-нибудь извернуться отъ бѣды.

На другой день, еще рано, такъ до обѣда, перепись, тутъ какъ тутъ, въ деревнѣ. Переписываютъ. Ну, мы всѣ стоимъ на томъ, что было рѣшено, показываемъ какъ можно меньше скота, отпираемся отъ выпаса въ лѣсу, да еще и радуемся, какъ гладко идетъ дѣло. Вотъ, наконецъ, послѣ насъ дошла перепись и до помѣщика. Кое-кто изъ нашихъ пошелъ за ней, поглазѣть. Вдругъ, мало погоди бѣгутъ въ деревню, испуганные, задохлись совсѣмъ... —Что мы надѣлали?—кричатъ—тутъ что-то не такъ, что-то неладно! Ужъ не подвелъ ли насъ помѣщикъ на бѣду? Онъ не только весь свой скотъ записалъ, а еще и нашъ, который въ лѣсу, и комиссія поѣхала туда!

Мы помертвѣли, услышавши такія чудеса. Сейчасъ собрались всѣ гуртомъ и побѣжали въ лѣсъ. Комиссии тамъ уже не было. Спрашиваемъ пастуховъ: были, говорятъ, господа и нашъ баринъ, что-то писали, считали скотъ, только насъ ни о чемъ не спрашивали. Мы въ деревню опять, а тамъ намъ говорятъ, что комиссія уже уѣхала изъ помѣщичьей усадьбы окольной дорогой. Мы двинули за ней, догнали уже въ другой деревнѣ; такъ и такъ, говоримъ, это, ваши благородія, нашъ скотъ въ лѣсу считали.

— Какимъ образомъ онъ вашъ, когда вы сами сказали, что больше у васъ скота нѣтъ, и что вы въ лѣсу не пасете?

— Да мы то это говорили, намъ баринъ посоветовалъ.

— Такъ чего же вы теперь хотите? Чтобы мы другую перепись для васъ дѣлали, что-ли? Прощайте! Что са-

ми заварили, то и расхлебывайте! Что написано перомъ, не вырубишь топоромъ! А впрочемъ, что жъ? вы можете жаловаться, но заранѣе вамъ можемъ сказать, что отъ жалобы вамъ толку не будетъ, а только еще сами въ тюрьму угодите за то, что обманули цезарскую комиссію.

Съ тѣмъ мы и домой пришли. Пропало дѣло,—говоримъ,—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Ждемъ годъ, другой. Помѣщикъ опять ладитъ съ нами, только какъ вспомнимъ иногда о переписи, улыбается и говоритъ: „Пустяки, я пошутилъ!“

Вдругъ, на третій годъ, слышимъ, какая-то комиссія ѣдетъ въ деревню, пастбище размѣривать.

— Фу ты, будь ты неладно!—думаемъ—что это, къ чему и зачѣмъ? Вѣдь пастбище то наше искони, зачѣмъ же его размѣривать? Положимъ, мы за послѣдніе годы одинъ кусокъ раздѣлили между обществомъ и вспахали; вотъ и смекаемъ, не для того ли пріѣхали, чтобы промѣрить, сколько мы вспахали, а сколько еще осталось. А комиссія прямо въ барскую усадьбу покатила, отобѣдали, а потомъ на пастбище. Развернули планъ, а помѣщикъ самъ съ ними ходитъ и показываетъ: вотъ отсюда досюда тянется, а это они вспахали.

Подошли мы къ этой комиссіи, кланяемся еще издали, потомъ ближе, опять кланяемся, а комиссія и ухомъ не ведетъ. Наконецъ, войтъ осмѣлился и говоритъ:

— Ваши благородія, это наше пастбище, зачѣмъ вы его мѣрите и вѣхи ставите?

— Ты кто такой?—спрашиваютъ господа.

— Я войтъ здѣшняго общества.

— Ну, и ладно!—отвѣтили они, да оиять за свое. Обтыкали вѣхами тотъ кусокъ, что вспаханъ отдѣльно, а остальное отдѣльно. Мы уже съ войтомъ ходимъ за ними да смотримъ, а что они говорятъ, не понимаемъ, потому что по-вѣмецки лопочуть. Потомъ кончили, садятся на повозку. Войтъ за ними, не отстаеъ, все выпытываетъ. Тогда одинъ панъ поднимается на повозкѣ и обращается къ намъ:

— Вы, люди, видѣли, какъ мѣрила комиссія пастбище?

— Да видѣть то видѣли,—говоримъ.

— И видѣли, какъ вѣхи ставили?

— И это видали.

— И знаете, что вотъ это тамъ—и указалъ на вспаханный кусокъ—это ваше, общественное, а вотъ это здѣсь—помѣщичье?

— А? что? какъ?...—вскрикнули мы всѣ, какъ ошпаренные, да къ комиссiи. Та лататы задала...

На другой день гонять наши пастухи скотъ на пастбище, а тамъ уже помѣщичьи слуги: „Пошли вонъ отсюда, это господское пастбище, чтобъ и ноги вашей тутъ не было, не смѣйте!“ Пастухи завернули стадо, гонять въ лѣсъ, а тамъ помѣщичьи лѣсники да дворовые: „Пошли вонъ отсюда, это господскiй лѣсъ, не смѣйте шагу ступить за окопъ!“ Пастухи, вѣстимо, дѣти малые, въ слезы, гонять скотъ назадъ домой. Гамъ, шумъ въ деревнѣ поднялся такой, словно кто зажегъ деревню съ четырехъ концовъ.

Что тутъ дѣлать? Бабы орутъ: „Мы съ кочергами пойдемъ, мы этимъ барскимъ холуямъ головы раскроемъ!“

Но старшіе мужики уговорили ихъ какъ-то и сейчасъ же выбрали нѣсколько человекъ уполномоченныхъ ѣхать во Львовъ къ адвокату, посоветоваться. Выбрали и меня. Поѣхали, нашли адвоката, русина*), заслуженнаго, говорятъ, честнаго. Пришли къ нему, рассказываемъ: таковы, молъ, дѣла. „Что жъ,—говорить,—начнемъ тяжбу. Постарайтесь найти свидѣтелей, документы, денегъ, а пока ведите себя смирно, спокойно, такъ какъ всякiй бунтъ можетъ только повредить дѣлу“.

— Да какъ же, баринъ,—говоримъ мы,—какъ же намъ быть спокойными, когда некуда совсѣмъ выгнать скотъ? Вѣдь безъ корма-то скотъ нашъ какъ, есть весь, подохнетъ!

— Ну,—говорить адвокатъ,—что же я тутъ могу помочь? Выиграемъ дѣло, тогда помѣщикъ долженъ будетъ

*) Малоросса.

возвратить вамъ всѣ убытки, а пока перебивайтесь, какъ можете.

Съ тѣмъ мы и ушли. Началась тяжба. Сколько мы на нее денегъ ухлопали, одинъ Богъ вѣдаетъ. Я пасчиталъ одному адвокату на марки что-то сверхъ семисотъ гульденовъ. Общество тянулось изъ послѣднихъ силъ, хотъ и круто приходилось: лѣсъ и пастбище остались въ помѣщичьихъ рукахъ, а мы должны были съ мѣста продать большую часть скота почти даромъ,—нечѣмъ было кормить; остальной сталъ бродить — да и теперъ еще бродить—то по гусинымъ лужайкамъ, то по пустырямъ, то по огородамъ. Сады наши отъ этого испортились, пчельники перевелись, а скотинка ходить—кожа да кости.

Семь лѣтъ тянулось наше дѣло, словно изъ нашего общества семь лѣтъ жилы тянули. Совсѣмъ мы обнищали за то время, а къ помѣщику—ни ногой, уперлись. Помѣщикъ тоже уперся на своемъ. И въ какихъ мы только судахъ, въ какихъ инстанціяхъ не побывали! И въ округѣ, и въ губерніи, и въ министерствѣ, и, Богъ вѣсть, еще гдѣ. И какъ только мы въ одномъ мѣстѣ проиграемъ—жалуемся; въ другомъ мы выиграемъ—помѣщикъ жалуется, а конца все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ, наконецъ,—слава тебѣ Господи!—дождались мы. Приходитъ приставъ, приноситъ намъ рѣшеніе изъ самаго высшаго министерства. Дѣло такое—чтобы окончить споръ между обществомъ и помѣщикомъ, назначается губернская комиссія, которая должна на спорномъ мѣстѣ все разсмотрѣть, пересмотрѣть документы, выслушать свидѣтелей и дать окончательное рѣшеніе. Для этого обѣ стороны должны въ пазначенный день явиться на спорное мѣсто со всѣми своими матеріалами доказательствъ. Рѣшеніе этой комиссіи будетъ утверждено и исполнено безповоротно. Ну, и слава тебѣ, Господи! подумали мы. Теперъ ужъ, навѣрняка, наша возьметъ, если комиссія будетъ на мѣстѣ судить. Тутъ каждый можетъ сказать все, что знаетъ по дѣлу, каждого

выслушаютъ, а въ такомъ случаѣ должны же они признать, что правда на нашей сторонѣ.

Нашъ помѣщикъ, получивъ такую резолюцію, что-то очень постыную рожу скорчилъ и совсѣмъ было носъ повѣсилъ, но потомъ, видно, что-то придумалъ, сѣлъ въ повозку и покатилъ во Львовъ. Куда онъ ѣздилъ,—неизвѣстно, но два нашихъ человека, которые были тогда во Львовѣ, рассказывали потомъ, что видѣли, какъ онъ разгуливалъ по городу съ нашимъ адвокатомъ. Конечно, рассказывали уже тогда, когда все было кончено! Такъ или иначе, только черезъ три дня пріѣхалъ нашъ баринъ изъ Львова, много веселѣе, даже какъ будто довольный. Дивимся мы, да не знаемъ, что оно означаетъ.

Навѣдались и мы къ своему адвокату. Онъ очень обрадовался...—Выиграемъ дѣло,—говоритъ. —Ясамъ,—говоритъ,—приду съ вами на спорное мѣсто говорить съ комиссіей. Только за день до того приходите сюда ко мнѣ: войтъ, уполномоченные, свидѣтели, привезите съ собой всѣ бумаги, какія имѣете, надо будетъ пересмотрѣть, посоветоваться. Знаете, какъ передъ битвой на войнѣ готовятся, такъ и намъ нужно приготовиться. Пріѣзжайте пораньше, такъ я каждому скажу, что и какъ ему надо говорить, потому что, видите ли, дѣло запутанное, а послѣ полудня сядемъ на телѣгу и маршъ въ деревню, чтобы въ назначенный день, рано быть на спорномъ мѣстѣ.—

Послушались мы его совѣта да еще и благодаримъ. Собрались мы: войтъ, два уполномоченныхъ и три старшіе хозяина изъ деревни—за свидѣтелей, собрали всѣ старыя бумаги, какія у кого были, и поѣхали въ полночь во Львовъ, за день до пріѣзда въ деревню комиссіи. Приходимъ утречкомъ къ адвокату—нѣтъ его дома, куда то ушелъ, но сейчасъ придетъ, просятъ обождать. Ждемъ мы, ждемъ—нѣтъ адвоката. Уже десятый часъ, одиннадцатый, двѣнадцатый—нѣтъ. Проголодались мы, пошли къ телѣгѣ перекусить. Прибѣгаемъ черезъ минуту, все еще нѣтъ адвоката. Экое несчастье! Уже и первый часъ, и второй, па-

коведь, и третій,—намъ бы уже и домой пора ѣхать, чтобы къ вечеру быть, а его все вѣтъ. Наконецъ, такъ около четырехъ часовъ, идетъ онъ.—Ахъ, извините,—говоритъ,—извините, пожалуйста, господа хозяева! но это не моя вина, что я такъ опоздалъ,—былъ въ судѣ при разборѣ дѣла, затянулась защита до этого времени. Но это ничего, мы еще все хорошо успѣемъ сдѣлать. Прошу въ мой кабинетъ.

— А не лучше ли намъ сейчасъ сѣсть на телѣгу да ѣхать въ деревню,—сказалъ я,—тамъ ваша милость могли бы просмотрѣть бумаги и научить насъ, какъ говорить.

— Э, нечего спѣшить,—сказалъ онъ,—успѣемъ еще доѣхать, а просмотръ бумагъ не займетъ много времени.

Пошли мы съ нимъ въ его комнату и сѣли. Бумагъ принесли цѣлый ворохъ. Сталъ онъ ихъ читать: читаетъ, читаетъ, медленно такъ да пристально, иногда спроситъ насъ что-нибудь, мы отвѣтимъ, онъ опять читаетъ, а тутъ уже и полчаса, а тамъ и часъ и цѣлыхъ два прошло, онъ—ничего. Мы сидимъ, какъ на иголкахъ, мнемся, потѣемъ, а онъ все спрашиваетъ насъ, словно передъ протоколомъ, все бумаги читаетъ, бормочетъ про себя—и конца-краю нѣтъ! Мы уже нѣсколько разъ приставали къ нему: пора ѣхать! А онъ все: сейчасъ, сейчасъ! Да и ну опять читать. Шестой часъ пробилъ, когда онъ дочиталъ. Ну, думаемъ, слава тебѣ, Господи, конецъ уже этому чтенію, поѣдемъ! Да, какъ бы не такъ! какъ началъ нашъ адвокатъ толковать намъ всю тяжбу, отъ самаго начала, пространно да подробно, какъ будто мы совсѣмъ ничего о ней не знаемъ. Говоритъ, говоритъ, а мы... какъ только изъ кожи не выскочимъ—вотъ, кажется, такъ бы вскочилъ, плюнулъ ему въ рожу да пошелъ прочь. Да не тутъ то было! Началъ онъ насъ потомъ учить, какъ мы должны передъ комиссіей говорить, и, въ самомъ дѣлѣ, толково училъ! Такимъ яснымъ показалось намъ все дѣло, такъ хорошо каждый понялъ, что ему надо говорить, что любо-дорого! Жаль только, что когда все это кончилось, то пробилъ

уже девятый часъ. Совсѣмъ стемнѣло. Онъ, какъ будто, только теперь замѣтилъ, что поздно, а тутъ еще и гроза стала надвигаться.

— Э, да что это? никакъ ужъ вечеръ?—сказалъ онъ, озираясь.

— Вѣстимо, вечеръ,—отвѣчали мы, какъ осужденные.

— Что же теперь дѣлать? Какъ же намъ ѣхать?

— Развѣ я знаю?—отвѣтилъ я—теперь трудно ѣхать, дорога плохая, да оно и не близко, лѣсами все!..

— Сами не знаемъ, что дѣлать!—сказали наши люди.

— А въ которомъ часу завтра должна пріѣхать коммиссія?

— Въ десять утра.

— Въ десять? Ну, такъ пустяки! переночуете вы здѣсь, а завтра ранехонько встанемъ да и махнемъ въ деревню, такъ, что только пыль взовьется. Въ восемь будемъ уже тамъ. Вотъ подите, сейчасъ около моего дома есть кабакъ, тамъ кабатчикъ порядочный, тамъ вы переночуете, а завтра, смотрите, не опоздайте, я васъ буду ждать.

Что было дѣлать? Рады не рады, пошли мы. Кабатчикъ словно ждалъ насъ.

— Вы отъ господина адвоката?—спрашиваетъ.

— Да!

— Ну, ну, пожалуйста, найду для васъ мѣсто, ночуйте себѣ по добру, по здорову! А не надо ли вамъ чего?

— Да ужъ давайте по косушкѣ, лучше спать будемъ.

Выпили мы, легли въ добрый часъ и сразу заснули, словно ко дну пошли. Долго ли мы такъ спали, Богъ знаетъ. Только просыпаюсь я—на дворѣ день. Я къ окну, смотрю на солнце—никакъ полдень! Гляжу я вокругъ—спятъ наши хозяева, какъ бревна! Господи, Ты, Воже мой, да что это такое? Сонъ или явь? Крикнулъ я, что есть мочи—вѣтъ, не сонъ! Они вскочили и тоже скорѣе къ окну. Что же это? уже за полдень? Неужто мы такъ долго спали? Ахти, грѣхъ какой, вотъ бѣда-то! Вьомся мы, какъ

пискари посоленные, а голова то у всѣхъ кружится, всѣ кости болятъ, словно переломанныя! Зовемъ мы кабатчика: сколько вамъ слѣдуетъ за ночлегъ?—Немного, всего шесть гульденовъ!—Какъ? что? какимъ образомъ?—А онъ, мошенникъ, видитъ, что мы свѣшимъ, что мы разрываемся да губы кусаемъ отъ нетерпѣнія, стоитъ себѣ въ дверяхъ да только улыбается и бороду поглаживаетъ: „У меня такъ всѣ проѣзжающіе платятъ!“

Нѣкоторые изъ нашихъ давай съ нимъ торговаться, да куда тебѣ,—и слова не даетъ сказать! Швырнули мы ему деньги, сколько онъ требовалъ, а сами скорѣй къ адвокату—нѣтъ дома, утромъ онъ ждалъ, ждалъ насъ, а потомъ самъ поѣхалъ, велѣлъ, чтобы мы, какъ можно скорѣе, поспѣшили за нимъ. А наши бумаги?—Бумаги онъ оставилъ, вотъ вамъ ваши бумаги!—Вотъ такъ штука! Поѣхалъ, а бумагъ не взялъ! Боже правый, что съ нами тогда дѣлалось, даже вспомнить страшно! Ну ужъ, думаемъ, тамъ, почитай, безъ насъ дѣло-то рѣшили, общество проиграло! Что теперь намъ люди скажутъ? Какая бѣда ждетъ еще насъ впереди? Мы словно напередъ видѣли все, что насъ ожидало, да оно тогда и нетрудно уже было видѣть все это напередъ!

Помчались мы дсмой, да уже не въ деревню, а на пастбище,—нѣтъ никого! Мы въ лѣсъ,—нѣтъ никого! А тутъ уже скоро и вечеръ. Мы къ барской усадьбѣ—въ хоромахъ пѣсни, хохотъ, пиръ горой, музыка,—это помѣщикъ комиссію угощаетъ. Глядимъ, анъ и адвокатъ нашъ въ горницахъ, красный, веселый, болтаетъ. Сколько проклятіи упало тогда на его голову, такъ онъ, пожалуй, за всю свою жизнь столько стакановъ вина не выпилъ! Мы уже совсѣмъ одеревенѣли! ничего не говоримъ, ни о чемъ не спрашиваемъ, да и зачѣмъ? Сами знаемъ, что стряслась уже бѣда надъ нами! Стали мы, какъ столпы, на крыльцѣ, стоимъ, ждемъ, а кого и зачѣмъ ждемъ,—и сами не знаемъ. Увидали насъ какъ-то господа, подняли хохотъ въ горницахъ, но къ намъ никто не выходитъ. Барскіе

лакеи идутъ мимо насъ, тоже хохочутъ, пздѣваются, поталкиваютъ насъ, но намъ ни слова не говорятъ. Барскія собаки подходятъ, обнюхиваютъ насъ, пныя заворчатъ, а инныя и такъ, тихонько, отойдутъ. А мы ничего, стоимъ тихо, какъ мертвые. Уже свечерѣло, въ горницахъ зажгли огонь, господа и барыни стали пѣсни какіе-то играть, на дворѣ дождь началъ накрапывать, а мы все стоимъ на крыльцѣ, уставились въ эти яркія окна... въ тѣлѣ дрожь, въ сердцѣ отчаяніе...

Наконецъ, уже поздней ночью, отворились двери и начали одинъ за другимъ выкачиваться барѣ къ своимъ коляскамъ. Прежде всего господа изъ комиссіи.

Самый толстый изъ нихъ остановился, проходя мимо насъ, взглянулъ этакъ грозно и говоритъ:

— Вы кто такіе будете?

— Мы здѣшніе.

— Чего вамъ надо?

— Что съ нашимъ дѣломъ вышло?

— Съ вашимъ дѣломъ? Такъ вы только теперь пришли узнать о немъ? Ахъ вы, пьяницы проклятые! Стоите вы лѣса? стоите вы пастбища? А неугодно ли вамъ нищенской сумы? Ступайте-ка домой, да не смѣйте и вспоминать объ этомъ! Не все коту масляница! Не трать, кумъ, силы, спускайся на дно!

Вся комиссія захохотала, сѣла на повозки и уѣхала. За комиссіей вышелъ нашъ адвокатъ, крадучись, какъ воръ, смущенный, какъ будто пьяный.

— А, вы здѣсь, вы здѣсь?—лепеталъ онъ,—я ждалъ васъ, ей-ей, ждалъ, отчего вы не приходили?

— А много вамъ нашъ помѣщикъ заплатилъ, чтобы вы насъ задержали въ городѣ, пока тутъ комиссія разсудить въ его пользу?

— Что? какъ? А! оскорбленіе!..—лепеталъ онъ, садясь на повозку, и дернулъ, что есть духу, со двора.

— Чтобъ ты себѣ шею сломалъ!—крикнули мы ему вслѣдъ. Да и то напрасно,—не сломалъ шею, собака!

Какъ вдругъ и нашъ помѣщикъ словно выросъ передъ нами. Онъ стоялъ, пошатываясь, на порогѣ отворенной двери.

— Хе-хе-хе,—говорилъ онъ съ пьянымъ хохотомъ,— господа общество, граждане, излюбленные люди, уполномоченные, а что тамъ слышно? Какъ идетъ дѣльце? Ничего, ничего! Но погодите-ка вы, я васъ теперь стану умуразуму учить! Теперь вы будете подъ мою дудку плясать! Я вамъ себя покажу, будете знать!

И сдержалъ слово! Такъ насъ всѣхъ прижалъ, что идохнуть некуда. Положимъ, общество не сразу поддалось. Подали мы жалобу, ся не уважили. Тогда мы рѣшились силой защищать свое право, да этимъ только хуже себѣ повредили. Бабы, дѣти, мужики, старики, всѣ гурьбой повалили изъ деревни, чтобы не дать помѣщику занять пастбища. Помѣщикъ вызвалъ войско. Мы попадали передъ войскомъ на землю и кричали: „хоть топчите насъ, хоть стрѣляйте, а мы не сойдемъ съ этой земли, она наша!“ Но войско и не стрѣляло и не топгало, а только раздѣлилось на двѣ роты да и двинуло на лошадяхъ прямо по хлѣбамъ, черезъ заборы въ деревню. Пришлось и намъ вернуться. Два мѣсяца стояли солдаты въ нашей деревнѣ, все, что было получше изъ скота, перебили и съѣли, всѣхъ насъ разорили, а когда уѣхали, помѣщикъ нашъ могъ уже быть покоенъ: общество было сломлено, разорено вконецъ, оставалось только самимъ отдаться въ руки помѣщику.

Вотъ такова-то наша судьба. Будетъ ли когда-нибудь лучше, приведется ли хоть передъ смертью вольготнѣе вздохнуть,—Господь вѣдаетъ. А только помѣщикъ изо всѣхъ силъ старается, какъ бы насъ связать еще потѣснѣе, да посильнѣе прижать. Пять кабаковъ открылъ въ деревнѣ, школы нѣтъ, священника выбралъ себѣ такого, что его сторону держитъ, живемъ мы, какъ быки подъяремные, уже и дѣтямъ своимъ не подаемъ надежды на лучшую жизнь...

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

1	Короленко—Пріемышь	2	59	Пѣсни труда	8
2	Дмитріева—Майна-вѣра	3	60	Темный—Сироткинъ	3
3	Чирковъ—Маленькій грѣшн.	1	61	Сазаповъ—Въ пути	3
4	Андреевъ—Баргам и Гараськ. 1 1/2		62	Бупинъ—Надъ городомъ	1
5	Кретцеръ—Исторія черпаго сюртука	1	63	Елп тьевскій—Отл мой сок.	2
6	Крандѣевская—Для души	2	64	Стаюковичъ—Эмигрантъ	3
7	Чирковъ—Свпщья	2	65	Избр. стихот. Надсона	3
8	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	66	Андреевъ—Ангелочекъ	3
9	Свирскій—Забракованный	2	67	Андреевъ—Жилл-были	3
10	Костяпъ—Ошибка	3	68	Скиталець—Атаманъ	2
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	69	Серафимовичъ—Въ камышахъ	2
12	Стаюковичъ—За Щуплень	2	70	Бѣлоконскій—За что и почем.	3
13	Митропольскій - Вода	2	71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
14	Серафимовичъ—Местъ	3	72	Елпнагьевскій—Присяж. зас.	2
15	Мельшипъ—Искорка	3	73	Вересаевъ—Къ спѣху	1
16	Мельшинъ—Чортовъ яръ	4	74	Серафимовичъ—На льдинѣ	3
17	Андреевъ—Гостинець	2	75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4
18	Андреевъ—Петъка на дачѣ	2	76	Булгаковъ . Что за стр. Япон.	5
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	77	Яковлева—Свидѣтель	8
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	78	Телешевъ—Хлѣбъ-соль	1 1/2
21	Бѣлоконскій—Страховка	2	79	Русова—На счаст. остров.	6
22	Ивашева—Мой день	2	80	Короленко—Соколинецъ	7
23	Короленко - Почью	5	81	Чирковъ—Коля и Колька	2
24	Тимковскій—Средн людей	5	82	Елсонскій—Огорченіе	3
25	Русова—Біографъ Гарпбальди	4	83	Русова—Братья Гравхи	3
26	Отч. Пар. пе выуч. грам.	3	84	Телешовъ—Нужда	1 1/2
27	Златовратскій—Мечтатели	4	85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
28	Н.-Данченко—Махмуд. дѣтн	3	86	Молодая жизнь	7
29	Ожешко—Медали	3	87	Золя Кровь	3
30	Юшкевичъ—Хаймка и Юська	2	88	Бѣлоконскій—Фейга	3
31	Вересаевъ—Въ пути	1	89	Успенскій—Будка	3
32	Фрапко—Самъ виновать	1 1/2	90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас. 1 1/2		91	Пѣсни мира Сборн. стихот.	2
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	92	Н.-Данченко—Соловьи. ночь	1
35	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ	2	93	Бѣлоконскій—Страш. мѣсто	1 1/2
36	Митропольскій—Отерочка	1	94	Мирбо—Бродяга	1
37	Яблоновскій—Удружяль	1	95	Гезп—Антуанъ Матъе	3
38	Франко—Хорош. заработокъ	1	96	Тимковскій—Травля	5
39	Мать (съ армянскаго)	1 1/2	97	Наживинъ—Волось Мадонны	1
40	Остон—Поденщикъ	2	98	Фрапко—Къ свѣту	3
41	Некрасовъ и Никитинъ	4	99	Чирковъ—Въ отставку	7
42	Бупинъ—Байбака	3	100	Зарницы—Сборникъ стихот.	5
43	Петровскій—Не дался	1	101	Андреевъ—На станціи	1
44	Дмитріева—Бѣлья крылья	2	102	Бупинъ—На край свѣта	1 1/2
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3	103	Рубакинъ—Искорки	5
46	Яблоновскій—Копокрадъ	3	104	Короленко—Марусина ванилка	10
47	Франко—На днѣ	9	105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
48	Какъ сицил. крест. боролись	6	106	Андреевъ—Въ темную даль	3
49	Н.-Данченко—Воскр. пѣснь	5	107	Андреевъ—Валя	2
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4	108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
51	Бѣлоконскій—Дерев. Печальн	3	109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
52	Дмитріева—Волки	3	110	Короленко—Морозъ	4
53	Мирбо—Война	3	111	Мельшинъ—Въ плѣну	3
54	Митропольскій—На плотахъ	3	112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
55	Короленко—Черкесъ	4	113	Чирковъ—Тавино счастье	7
56	Вересаевъ—Звѣзда	1 1/2	114	Рубакинъ—Книгоноша	20
57	Телешовъ—Противъ обычая	2	115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
58	Яблоновскій—Въ консулт.	3	116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
			117	Наживинъ—Ложь	1 1/2

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

118 Суздальцевъ.—Рпч. Остлеръ. . . 3	167 Пѣсни бѣрцовъ—Сб. стихотв. 3	
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5	168 Конопницкая—Юзефово . . . 1½	
120 Короленко—Госуд. ямщики . . 7	169 Таль—Истин. народн. предст. 4	
121 М. Конопницкая—Яктонъ . . . 1½	170 Дѣтя рабочихъ 3	
122 А. Яблоновскій—Нухпмъ . . . 3	171 Серафимовичъ—Подъ землей . 3	
123 П. Бутошннъ—Случай № 212 1	172 О. Зповиц.—Въ чертѣ осѣдл. 1½	
123 С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6	173 Ив. Наживинъ—Братья 2	
125 В. Короленко—На затменіи . . 3	174 Ивановичъ—Не поправилось . 2	
126 Сказка о четырехъ братьяхъ 4	175 Русова—Своб. ресн. Швейц. 4	
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ 4	176 Партиа и крестьяне въ Г. Дум. 15	
128 Наживинъ—Въ степи 1½	177 Новиковъ—Враги народа . . . 15	
129 Копоиниц.—Мендель Гдапскій 3	178 Г. Джорджъ, его жизнь и учен.	
130 Пругавицъ—Милліонъ 6	178 ² Костинъ—Одинъ 2	
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2	179 Шевченко—Изб стих (малор). 3	
132 Гезп—Благотворительность . . 2	180 Поливановъ—Кончился	
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3	181 Какъ мужичекъ въ долгу ост.	
134 Какъ пѣмцы доб. себѣ своб. . 3	182 Не въ моготу	
135 Короленко—Чудная 3	183 Почему бѣдна Россія	
136 Бакур.—Какъ выб. нар. пред. . 1	184 Пѣсни рабочихъ 2	
137 Разрушенный моль 1	185 Ибаньесъ—Должн. лицо (пал.) 2	
138 Успенскій—Неизлѣчимый . . . 5	186 Товарищъ, не измѣняй 1	
139 Погорѣловъ—Въ глуши 2	187 Народный трибунъ Бабефъ 1	
139 ¹ Бушицъ—Черноземъ 2	188 Львовъ—Объяс. прав. о землѣ 4	
140 Л. Андреевъ—Предст. кража 1½	189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности 1	
141 Конопницкая—Дымъ 1½	190 О. В. Почему треб. своб. сход. 1	
142 Национальное собраніе 1½	191 Анг. рабоч. прежде и теперь 4	
143 Амичесъ—Красная гвоздика 2	192 Какъ гссн. 1-е мая празднов. 1½	
144 Мѣстное самоуправленіе 3	193 Что видно въ подзор. трубу 2	
145 Права человека и граждап. 1½	194 Голубевъ—Что сказали наши представит. Царю 4	
147 Бирекій—Везъ исхода 3	195 Голубевъ—Что министры сказали нашимъ представит. 2	
148 О земельномъ вопросѣ 2	196 За свободу—Сб. стихотв. . . . 2	
149 Сонъ подъ 1-е мая 3	197 Волкенштейнъ—Женщ. - изб. 1	
150 ¹ Пауки п мухи 1	198	
150 ² Пауки та мухи 1	Въ помощь читат. раз- бор. нов. кн	
153 Что такое государ. расписъ . . 3		Аграрный вопр. 5
153 ² Джаво—(съ арм.) 1½		Рабоч. вопросъ 5
154 Областное народоправіе 1		Избират. право 5
155 Национальн. рада (на малорос.) 1	198 ¹ Историческія книги 5	
156 О налогахъ (Хитрая механика) 2	1. 8 ³ Беллетристика 5	
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . . .	198 ⁷ Практичес. политика 5	
158 Какъ франц. добыли свободу . 3	198 ⁹ Аграрн. вопросъ в. П 5	
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? . 3	199 Мельшинъ—Школа въ катор. 7	
160 Л. Толстой—О смерт. казни . 3	200. Короленко. Сонъ Макара. . . 6	
161 Новиковъ—Женщ.-тов.-мужч. 1	200 ² Наши братья 5	
162 Что такое тайн. под. голосовъ 4	402 Русова—Луиза Мишель . . . 8	
163 Радловъ—Котлочпсть Ваня . . 4	404 Потемецъ воспитател. дома 5	
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . 6	406 Юшкевичъ—Ита Гайне . . . 12	
165 Журавлевъ—Убійство 3	408 Брусянищъ—Заразные люди 2	
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ 3		

Редакція проситъ гг. издателей присылать книги, журналы, брошюры, картины и проч. по адресу секретаря Евг. Ал. Рындиной: Москва, Большой Палашевскій 2/12, кв. 3.